

ОГДА ты впервые едешь в город, о котором много читал и слышал, перед глазами заранее возникает готовая картина: линии, краски, запахи, звуки — вереница не осознанных еще впечатлений. Особенно, если это такой город, как Багдад, где сами названия — улица Рашида, набережная Абу Нуваса — невольно воскрешают картины далекого прошлого, где это прошлое настолько переплетено с настоящим, что порою кажется, будто недостроенная мечеть на привокзальной площади за-

ших прогрессивных изменений, характерных для всего Ирака.

Новый государственный универмаг, новая гостиница, принадлежащая государству — приметы времени в стране, где еще недавно вся торговля и туризм были в частных руках. На автобусах, идущих по городу, — реклама национального электро-технического завода. На тканях — клеймо государственной текстильной фабрики в Куте. В различных районах Багдада можно увидеть фирменные магазины национального обувного предприятия, в которых про-

Нефть — главное богатство Ирака, и от того, в чьих руках она находится, во многом зависят судьбы всей страны. Удар, нанесенный Ираком по нефтяным монополиям в июне 1972 года, показал, что международный картель уже не всесилен, как когда-то, с ним можно бороться. Это имело далеко идущие последствия для всего комплекса международных экономических отношений в нефтяной сфере. В октябре 1973 года Ирак нанес новый удар по картелю: были национализированы активы американских

ИРАК, УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

К. ТРУЕВЦЕВ

ложена была еще до походов Тимура, а огромная, в человеческий рост рыбина на прилавке случайно ускользнула когда-то из сетей хитроумного рыбака — героя сказок «Тысячи и одной ночи».

...И вдруг он встает перед тобой, этот город, совершенно не похожий на картину, нарисованную воображением.

А когда снова приезжаешь в Багдад спустя несколько лет, опять оказываешься в незнакомом городе, но уже по другой причине. Столица Ирака относится к тем городам мира, которые отличаются высокой динамикой развития. Там, где еще недавно были старые кварталы, встали красивые современные здания. Изменяется геометрия улиц, их наряд, возникают новые парки и скверы. Город растет вверх и вперёд, отвоёвывая себе все новое жизненное пространство.

Но, пожалуй, дело не только в этом. Проходя по знакомым багдадским улицам, каждый раз замечаешь перемены — признаки обновления, признаки боль-

дается добротная обувь. В аптеках все большее место занимают лекарства фармацевтического завода в Самарре. Государственный сектор быстро расширяется, завоевывая прочные позиции в экономике. И если раньше в Ираке была практически лишь одна отрасль промышленности — нефтедобывающая, то теперь здесь производится широкий ассортимент различных изделий — от носков и рубашек до электромоторов и тракторов, и все это продукция национальных предприятий.

С односторонней ориентацией экономики на нефть покончено, однако добыча «черного золота» остается ведущей отраслью народного хозяйства, основой национального дохода. Это естественно: ведь Ирак стоит на одном из первых мест в мире по запасам нефти, и, по мнению английского журнала «Мидл Ист интернэшнл», у него имеются условия для того, чтобы выйти на одно из первых мест и по ее добыче, удвоив уже в ближайшие годы производство топлива.

«Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Мобил ойл» в «Басра петролеум компани», а спустя несколько дней — голландская доля в «Шелл», также входящей в «Басра петролеум».

День 7 октября 1973 года, когда был обнародован декрет Совета революционного командования о национализации, превратился в подлинный праздник. Люди вышли на улицы, они обнимали друг друга, плясали от радости; возникали стихийные митинги, демонстрации в поддержку решения правительства.

После того как иракскому правительству удалось в основном подавить правые реакционные силы, в стране стали осуществляться прогрессивные преобразования быстрыми темпами. 11 марта 1970 года был опубликован манифест, провозгласивший мирное урегулирование курдской проблемы. Уже тогда шел процесс сближения между Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и Иракской коммунистической партией (ИКП). Важ-

Назрул Ислам

ИЗ ЛИРИКИ

ПЕРЕВОД
МИХАИЛА КУРГАНЦЕВА

В этом году исполняется 75 лет со дня рождения Назрула Ислама — крупнейшего поэта Индостана, основоположника бенгальской революционно-демократической поэзии. В Индии и Бангладеш его глубоко почитают как одного из пророков нового национального освобождения.

Назрул Ислам — не только поэт-трибун, но и тонкий, проникновенный лирик. Мы публикуем здесь цикл его стихов о любви, завоевавших широкое признание на родине поэта.

В тот день, когда в создателе окрепла
творящая, безудержная мысль,
возникли мы из хаоса, из пепла,
и ожили, и пламенем зажглись.
Ты найдена. Искан я не напрасно.
Теперь любовью сердце истязай,
Напиток жизни, воплощение страсти,
не исчезай, как тень, не исчезай!

И снова сердце спрашивает, снова:
где подлинная ты? О, приходи!
Произнеси единственное слово
и снова жажду вызови в груди.
И пусть любовь — напиток вечный, Древний,
а наша жизнь — лишь временный сосуд.
Из зерен страсти вырастут Деревья
и над землею кроны вознесут.
И пусть шумит зеленая, живая
ветвей и листьев юная краса,
и птицы наших яростных желаний
пусть крыльями закроют небеса!

В любом лице я узнаю тебя,
всегда искать не устаю тебя.
До опьянения из каждой чаши,
не зная утоленья, пью тебя!
Ужель творенье сил незримых — ты,
сплетенье слов неповторимых — ты?
Нет, ты в любви из тех, кого целуют.
Любая из моих любимых — ты!
В бесчисленные чаши лью тебя,
губам прильнувшим отдаю тебя.
И нахожу тебя в любом сосуде,
и сотнями желаний пью тебя!

□

Лоза, тростинка, завязь винограда,
когда ж ты станешь чашею с вином?
Моя находка и моя награда,
не становись неуловимым сном!

Ты — солнца дочь, ты тьму переломила,
стократ рождалась чудом из чудес.
Я в образах страдающего мира
тебя ищу под пологом небес.
Но жажду сердца ты не утоляешь,
омывая рыданиями разлук.
Как бога Индры напряженный лук,
звоня под ветром, душу похищаешь ты.
Меня молчаньем искушаешь ты.
Меня печалью иссушаешь ты.
Сливаясь с горизонтом отдаленным,
неуловимо исчезаешь ты.

Живущая в таинственной дали,
меня прикосновеньем одари!
Я по Вселенной за тобой кочую.
Дай отдохнуть и жажду утоли!
Во мне пылает, не ослабевая,
неутолимый голод молодой.
Моя душа — желаний кладовая,
моя душа наполнена тобой.
Рожденный в этом мире безучастном,
где нас беда сражает наповал,
целую все, что кажется прекрасным,
прекрасным вижу все, что целовал.
Во мне живут торжественные звуки,
меня пронзает радостная дрожь.
И вот соприкоснулись наши руки,
и ты свои мне губы отдаешь!
Бессонны эти ночи до рассвета,
и ветер поцелуями пропах.
У каждой девушки, у каждой смертной
такие знаки зреют на губах.

Во мне нерастворившаяся ревность
всплывает и становится острой,
сливаясь с воцелениями деревьев,
лиан и птиц, растений и зверей.
Устами всех людей тебя целую.
За всю Вселенную, скорбя, целую.
И, растворяясь, исчезает ревность,
когда твое лицо, любя, целую.
За всех — и за обманутых любовью,
и за вкусивших радость бытия —
тебя за всех живущих, за любого,
за каждого из них целую я.

* * *

Приходи и моей оставайся
во имя любви.
Изукрашу созвездьями
черные косы твои,
подарю золотую серьгу —
молодую луну.
Только ты приходи,
только милым меня назови.

Только ты приходи,
я всегда тебя жду, я готов,
приходи — я забуду
безумье протекших годов,
и слетит с моих пальцев
на смуглую шею к тебе
лебединая стая —
гирлянда из белых цветов.

Я сандаловый запах
и лунного света поток
воедино смешаю,
к тебе принесу на порог.
Я у радуги пестрой
и багрянцем небесным
окрашу ступни твоих ног.

Только ты приходи,
оставайся во имя любви.
Приходи! Без тебя
задыхаются песни мои.
Приходи! Для тебя
заблестят переливы зарниц.
Приходи! Для тебя
разольются мои соловьи.

* * *

Что ты ходишь одна
по лесной одинокой тропе?
Распустились цветы,

и кивают, и машут тебе,
и когда мимо зарослей

медленно движешься ты,
твои волосы пахнут

нежнее, чем эти цветы,
и от зависти

розовый куст потускнел и зачах,
и запутался ветер

в твоих непроглядных очах,
и цветы, что растут

у обочин на самом краю,
уронили свои лепестки

на тропинку твою.
На плечах твоих сумрак лежит —

серебристый венок,
и багрянец заката

раскрасил ступни твоих ног,
и луна молодая плывет,

улыбаясь тебе...
Что ты ходишь одна

по лесной одинокой тропе?

* * *

Ищу тебя, зову, всегда — в дороге.
Ищу тебя — начало всех начал,

и отзвук твоих шагов далеких
ловлю и различаю по ночам.

Подобная пылающей звезде,
ты в каждый сон врываешься отважно.

Я — птица, изнемогшая от жажды,
в иссохшем небе грежу о воде.

Ты — свет во мраке моего сознания,
и туча, орошающая сад,

и отдаленной молнии сверканье,
и тишина, и громовой раскат.

Ты — оправданье тяжкого пути.
Тебе сплетаю лучшую гирлянду.

Тебе одной я предан безоговорочно.
Тебя ищу — и не могу найти.

Я знаю, почему ты так робка
и почему дрожит твоя рука,
и грудь трепещет, и на смуглой шее
ни одного не видно украшенья.

Так женщина рождается несмело —
душа взрослеет, прозревает тепло.

Так созревает лучшая из женщин —
так прорастает в раковине жемчуг,

из ручейка рождается река,
а роща — из зеленого роста.

Ты, опустив глаза, проходишь мимо.
Я знаю, почему ты так робка...

* * *

Взгляну — и роза больше не смеется.
Заговорю — все мелко и неясно,
и музыка во мне слабеет, гаснет,
и в сердце ничего не остается.

Луна зашла — ее не видно, юной.
Ослепло небо — ни зарниц, ни молний.
Уже весною пахнет ветер южный,
но соловьи весенние безмолвны.

И дикие соцветья по оврагам
не плышут, не звенят при лунном свете,
и ночь тебя захлестывает мраком,
и волосы твои лохматит ветер.

И кажется, что все непоправимо,
и стало сердце выжженным и старым,
и плетет кровь, и жизнь проходит мимо,
и дни плетутся молчаливым стадом.

* * *

Приди ко мне, венец моих желаний.
Ты жаждала жизни, вылезала в груди.
Заря моих надежд и ожиданий,
ни разу не пришедшая, приди.
Пусть радости светильник загорится
в моей лачуге — этим я живу.
О безграничность, обрети границы!
Извечный сон, рождайся навзру!

Текут года — пересыхают реки
и шумно разливаются опять.
Вернется все — тебя не удержать,
не возвратить, не отыскать веки.

Один, в тумане, в огненном бреду,
переживаю тайную беду.
Плыву по разгулявшейся реке
один в своем дырявом челноке.
Напрасно измеряю глубину,
в водовороты попадаю снова.
Не дотяну до берега другого,
иссякнут силы — и пойду ко дну.

* * *

Ты, опустив глаза, проходишь мимо.
Ты в храм идешь, одна, невозмутима.
Ресницы длинные дрожат и бьются —
так у пруда качается камыш.
Я знаю, почему ты не глядишь,
спешишь пройти, не смеешь обернуться.

Ты знаешь, как встречаются глаза.
Спасенья нет, и нет пути назад.
Как будто в омут с берега реки
бросаешься в раскрытые зрачки.
Ресницы — вниз! Не говоришь ни слова.
Глаза поднимаешь — и с обрыва снова.
Нет никого вокруг. Дрожащий мир
бесцветен, зыбуч, словно привиденье,
Укрой меня ресниц полных тенью,
иначе я ослепну в тот же миг!

Ты, опустив глаза, проходишь мимо.
Тебе открыты все соблазны мира.
Ляны-змеи тянутся к тебе,
когда идешь по узенькой тропе.
Какие зовы в сердце отдаются?
Куда тебя заманивает тишь?
Я знаю, почему ты не глядишь,
спешишь пройти, не смеешь обернуться.
Горят гранаты щек, горят глаза.
В твоей крови как будто рой пчелиный
С какой-то силой непреодолимой
в тебе поют земные голоса.
Плетешь венок и лепестки роняешь —
они покорно падают у ног.
И сердце может вяннуть, как венок, —
ты молода, ты этого не знаешь...

* * *

Быть может, я тебя найду
за дальним горизонтом,
где наклонились небеса

над кронами деревьев.
Быть может, я тебя найду
одну в саду зеленом,
среди цветов, среди плодов,
в заброшенной деревне.

Быть может, я тебя найду
на поле опустелом,
у тихой заводи пруда,
что дремлет, недвижимый.

И ты придешь меня обнять
объятьем неумелым,
и улынешься, и вздохнешь,
и скажешь: «Мой любимый!».

Под небесами, в тишине
сплетутся наши руки,

и пусть горят твои глаза,
и щеки розовеют,
и теплый ветер налетит,

и память о разлуке
из сердца вырвет моего,
по воздуху развевает.

Но нет тебя, и я стою
под солнцем раскаленным
и одинокий этот мир
оглядываю зорко.

Быть может, я тебя найду
за лесом отдаленным?

Быть может, я тебя найду
за дальним горизонтом?

* * *

Песни — искаленные птицы —
опускаются к твоим ногам.
Не подыаться им, не распрямиться —
изломал им крылья ураган.

Подними же их, они — твои,
запертое сердце отвори.

Как они парили над тобою!
Огненными крыльями звеня,
уносили в небо голубое
музыку проснувшегося дня.

Ты их слушала, смотрела вслед.
Как же ты забыла наш рассвет?

А теперь, покинув поднебесье,
смертную испытывая дрожь,
на земле зачали мои песни...
Неужели ты их не спасешь?

Возврати мне глаз твоих лучи,
сломанные крылья залечи.

* * *

Ты чья, закутанная в сари, —
одна, как первая звезда,
и лунный луч светло-зеленый
с тебя стекает, как вода?
Твои глаза — они похожи

на тот, другой, далекий взгляд,
и ты дрожишь и обмираешь,
когда шаги мои звучат.

Ты чья, закутанная в сари,
кого ты ждешь, кого зовешь?
Ты дышишь воздухом разлуки,
ты ожиданием живешь.

Но сквозь опущенные веки
надеждой светятся глаза,
а на заре ты исчезаешь

неуловимо, как роса.
Как черный дым, проходят ночи,
как облака — пустые дни.
Печаль — как дерево над нами,

и мы живем в его тени.
Но в одиночестве бессонном
ты каждый вечер, как всегда,
ничья, закутанная в сари,
горишь, вечерняя звезда.

* * *

Я все еще тебя люблю,
хоть ты со мной разлучена
и между нами океан —
глухая синяя стена.

Ты — пальма, свежести полна,
с другого берега манишь,
а я — сухой, корявый ствол,
чья корни трогает волна.

Я умираю без тебя,
лишенный радости земной.
Не дотянуться, не шагнуть
туда, где ты — моя весна,

Но иная, неслышная буря
охватит тебя:
ожиданье, отчаянье,
боль — и тоска обо мне.
И весна прилетит,
обновит и разбудит весь мир.

Расцветут маргаритки,
раскроется белый жасмин,
ароматом хмельным и густым
переполнятся сны,
но отравя разлуки

испортит напиток весны.
Задрожат твои пальцы,
плетущие белый венок,

и в слезах ты припомнишь
того, кто сегодня далек,
кто исчез и растаял,
как след на сыпучем песке,
кто тебе завещал

оставаться в слезах и тоске,
в одиночестве биться,

дрожа, как ночная трава.
Вот заклятье мое!
И да сбудутся эти слова!

* * *

Я в подку пассажиров не беру.
Один встречаю горькую беду.
Плыву по разгулявшейся реке
один в своем дырявом челноке.
Напрасно измеряю глубину,
в водовороты попадаю снова.
Не дотяну до берега другого,
иссякнут силы — и пойду ко дну.

Когда река текла неторопливо,
тебя я видел в зеркале воды.
Была ты ярче утренней звезды,
и молодая, и хороша на диво.
Но дунул ветер — зеркало распалось,
исчезло отраженье без следа.
Сгорела предрассветная звезда,
и только одиночество осталось.

Как мне доплыть до берега другого?
Что я найду на чуждом берегу?
Сжимаю губы — ни слезы, ни слова,
свои невзгоды в тайне сберегу,

Но вокруг только сумрак,
подобный остывшей золе,
и тогда твоё сердце
пронижет внезапная боль.

Ты меня позовешь —
ни единого звука в ответ.
Ты раскинешь объятья свои,
а любимого нет.
И глаза ты закроешь,
и станешь молить в тишине,
чтобы я появился,
вернулся хотя бы во сне,
и протянешь ты руки,
и воздух обнимешь ночной,
и поймешь наконец
что навеки рассталась со мной.

И поднимется солнце,
и день пролетит без меня,
и наступит закат,
и опустится ночь над землей,
и тогда над твоей
одиноким постелью, звеня,
пролетит позабытая песня,
что сложена мной,
и умчит она,
и опять зазвучит в тишине,
и слезами глаза изойдут,
позабудут о сне.
Будет горькая память,
как створож, стоять у дверей,
и раскаянье камнем
повиснет на шее твоей.

Будет осень. Друзья
соберутся в покои твои,
Кто-то будет тебя
обнимать, говорить о любви.
Будешь ты равнодушна к нему,
безразлична к нему,
ибо я в это время
незримо тебя обниму.
Бесполезно тебя
новизной соблазнять и манить.
Даже если захочешь —
не в силах ты мне изменить.
И наступит зима,
и, песчаные вихри клубя,
набежит ураган,
и окрестность потонет во мгле.

и тень прохладная твоя
не распахнется надо мной,
и музыка твоих ветвей
не долетает, не слышна.
Мы — близнецы, но в час, когда
мы родились на белый свет,
нас разлучили навсегда.
и никакой надежды нет.
Уходят волны — путь далек,
они торопятся к тебе
и разбиваются у ног
в привычной муке и мольбе.
К тебе несут они песок
и размывают берег мой —
земля уходит из-под ног,
дрожит, окутанная тьмой.
Люблю, горюю вдалеке.
к тебе добраться не могу,
слагаю горькие стихи
на опустевшем берегу.

Любимая, цветок лесной,
светловолосая краса,
когда на родине своей
ты слышишь птичьих голоса,
когда сквозь моросящий дождь
ты еле слышишь трели птиц,
и сердце горечи полно,
и слезы падают с ресниц,
ты вспоминаешь ли рассвет,
и блеск полуденной реки,
и встречу первую — часы,
что были слишком коротки,
и небосвод без облаков?..
Ты вспоминаешь ли меня,
и переливы наших птиц,
и краски огненного дня?

Я все еще тебя люблю,
хоть ты со мной разлучена.
Недосягаем чуждый край —
твоя холодная страна.
Замри, прислушайся на миг:
издалека тебя зову
во тьме ночной, при свете дня,
в тревожном сне и наяву.

Ты слышишь, чуткая моя,
сквозь тишину ночных часов
невнятный голос в темноте,
неуловимый дальний зов?

Опять сплагаются стихи,
опять душа моя жива.
Проснувшись, вырвались на свет
новорожденные слова.

Текут недели без тебя —
сквозь пальцы сыплется песок,
Лежу один — меня ножом
тоска ударила в висок.
Молчит незапертая дверь,
дрожит оплывшая свеча.
Разлуки тягостная ночь —
нет ни просвета, ни луча,
и ревность — ненасытный гриф —
парит кругами надо мной.
Земля уходит из-под ног,
дрожит, окутанная тьмой.
И только верные стихи
меня спасают в этот час.
И есть надежда — будет день,
заря поднимется, лучась.
Бесмысленно бегут часы,
впустую пролетает жизнь.
Дай мне воскреснуть и прозреть,
великодушная, вернись.
Вернись — умолки соловьи,
вернись — рыдают облака.
Кувшинки желтые несет
седая, хмурая река.

Что этот горячий мир без нас,
без двух сомкнувшихся сердец?
Он — перевернутый челнок,
я — незадачливый пловец.
Кто я? Кладбищенская тень,
брожу, качаясь и скорбя.
Бесмысленно влачится жизнь —
она проходит без тебя.

Как ночи медленно плывут,
однообразно льются дни!
Бог времени, поторопись
и мне любимую верни.
Ревет прибой, свистит муссон,
с деревьев сыплется листва.
Сквозь гул разгневанных стихий
летят, летят мои слова:
— Неумолимый ливень дней
не в силах потаскать огня,
что в грудь мою давно проник
и неотступно жжет меня.

Тобой я болел навсегда,
Большого излечить нельзя.
Пусть между нами океан —
два сердца разлучить нельзя!

Я верю: ты еще придешь,
не съешь память обо мне.
Ты различаешь голос мой
в ночной невыносимой мгле.
Иду навстречу, тороплюсь
по тысячам твоих дорог,
и будет день, и будет час,
и подойдет заветный срок,
и будет солнечная пыль,
и блеск полуденной реки,
и небосвод без облаков,
и теплота твоей руки,
и переливы наших птиц,
и краски огненного дня...
Ты только помни и зови,
ты только не забудь меня.

* * *

Я уйду навсегда,
я скажу напоследок: «Прости».
Я уйду, но покоя
тебе никогда не найти.
Я уйду, ибо выпито сердце
до самого дна.
Я уйду, но останешься ты
со слезами одна.

Обо мне ты ревниво
вечернюю спросишь звезду,
но она промолчит,
не откроет, куда я уйду.
Ты заплачешь,
забьешься в рыданиях, тяжело дыша,
и расплавится сердце твое,
и оттаает душа,
и, не видя дороги,
ты кинешься в горестный путь,
вслед за мной, без надежды
меня отыскать и вернуть.

Я уйду в эту ночь.
Ты проснешься на ранней заре,
и тебе помешится,
будто я рядом с тобой.

нейшим результатом этого процесса явилось создание в июле 1973 года Национального прогрессивного фронта, объединившего ряд прогрессивных партий и организаций страны, прежде всего ПАСВ и ИКП.

Все эти годы иракское правительство последовательно осуществляло прогрессивные социально-экономические преобразования, отвечающие интересам трудящихся. Важнейшими мероприятиями явились аграрная реформа и создание сельскохозяйственных кооперативов, улучшение условий жизни и труда рабочих, увеличение их зарплаты, расширение прав профсоюзов. Все это, несомненно, способствовало созданию широкой опоры политики правительства среди народных масс.

Кроме того, сама национализация нефтяных монополий отвечала коренным интересам иракского народа, всегда стремившегося стать полным хозяином своих природных богатств. В марте 1973 года нефтяные компании, входящие в «Ирак петролеум компани» (ИПК), вынуждены были подписать соглашение с Ираком, в котором отказывались от своих прежних требований и гарантировали полный суверенитет Ирака над его нефтяными богатствами. Это — лучшее доказательство того, что национализация была хорошо продуманным и точно рассчитанным шагом.

Для экономического развития Ирака в последние годы характерно то, что, несмотря на все сложности, связанные с нацио-

нализацией и созданием государственного сектора, несмотря на большие затраты на оборону и организацию системы внутренней безопасности в связи с непрекращающимися протесами империализма и реакции, жизненный уровень иракского народа неуклонно растет. По признанию того же «Мидл Ист интернэшнл», доход на душу населения возрос в Ираке с 88 иракских динаров в 1967 году до 124 в 1972 году. И при этом правительство уделяет особое внимание росту доходов рабочих и крестьян. Это одна из причин того оптимизма, той веры в будущее, которую встречаешь у простых иракцев, разговаривая с ними о перспективах их жизни.

Упрочению позиций Ирака в антиимпериалистической борьбе способствовала помощь социалистических стран, и прежде всего Советского Союза. Огромную роль Советско-иракского договора, крепнущее сотрудничество наших двух стран единодушно отмечают руководители республики, об этом нам говорили люди самых различных профессий, представители разных слоев иракского общества. Заместитель председателя Совета революционного командования Ирака и заместитель Генерального секретаря регионального руководства ПАСВ Саддам Хусейн в интервью журналу «Монд дипломатик» подчеркивал большую роль, которую сыграла поддержка СССР в период национализации ИПК. Советский Союз, отмечал он, помог Ираку справиться

с рядом сложностей, последовавших за национализацией. Кроме того, подчеркивают в Ираке, советско-иракское сотрудничество в Северной Румейле, в результате которого создана национальная нефтедобывающая промышленность, было одним из факторов, сделавших возможной национализацию ИПК.

«Советский Союз был всегда с нами и в минуты радости и во время тяжких испытаний, — говорили нам наши коллеги, иракские журналисты. — А недавние события на Ближнем Востоке с новой силой показали, что СССР — подлинный друг арабских народов, готовый всегда прийти к ним на помощь в трудную минуту».

Во время последней вспышки военных действий на Ближнем Востоке иракская общественность с особым вниманием относилась к позиции Советского Союза в этом вопросе. Иракская печать уделяла большое место сообщениям о поддержке Советским Союзом арабских государств в их борьбе против израильских агрессоров, о солидарности советских людей с арабскими народами. Все центральные газеты помещали полностью или в подробном изложении текст заявления ТАСС по Ближнему Востоку, выдержки из выступлений Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина, касающиеся Ближнего Востока, документы Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. «В эти решающие дни нашей истории, — писала правительственная «Аль-Джумхурия», — Советский Союз вновь продемонстрировал свою поддержку освободительной борьбы арабских народов. Сейчас как никогда подтвердилась глубина арабо-советской дружбы, твердость и непоколебимость позиции СССР в отношении израильской агрессии».

Советско-иракская дружба сейчас стала настолько мощным фактором, что проявления ее можно видеть буквально во всем. Мы почувствовали это по отношению к нам, советским людям. Слово «советский» является как бы «пропуском повсюду», и практически в каждом иракском доме или в учреждении советского человека встречают не только с традиционным гостеприимством, но и с особой теплотой.

Слово «социализм» стало одним из самых популярных слов

С ПОМОЩЬЮ ПОЛЬСКИХ ДРУЗЕЙ

Самое крупное в мире месторождение серы находится на севере Ирака в районе Мишрак. Специалисты оценивают его запасы в 100 миллионов тонн. Сейчас здесь добывается 250 тысяч тонн серы в год, а в скором времени добыча возрастет до миллиона тонн. Вся сера, которую дает это месторождение, идет на экспорт. Внутренние потребности страны обеспечивает продукция промыслов Киркука — 120 тысяч тонн в год.

Правом на разработку серы в Мишраке обладали два международных консорциума — американский и американо-французский. Однако в последнее время, используя опыт работы национализированных нефтяных месторождений, иракские власти при помощи польской фирмы «Центрозан» приступили к самостоятельной добыче серы в этом районе. Этот шаг будет не только способствовать развитию иракской экономики, но и усилит государственный сектор в горнодобывающей промышленности Ирака.

в Ираке. Его можно встретить на большинстве лозунгов и плакатов, на улицах городов, оно не сходит с газетных полос. После прихода к власти в 1968 году левого крыла ПАСВ начались активные поиски общей платформы, на основе которой могли бы сплотиться прогрессивные силы. Оказалось, что большинство партий и организаций страны стремятся к созданию в Ираке общества, свободного от эксплуатации. Отсюда и глубокое понимание иракским руководством основ, на которых строится дружба между советским и иракским народами, между Ираком и странами социализма. А практика строительства новой жизни, практика борьбы против контрреволюционных сил внутри страны и против империалистических сил, действующих извне, способствует дальнейшему упрочению прогрессивного мировоззрения в рядах правящей партии,

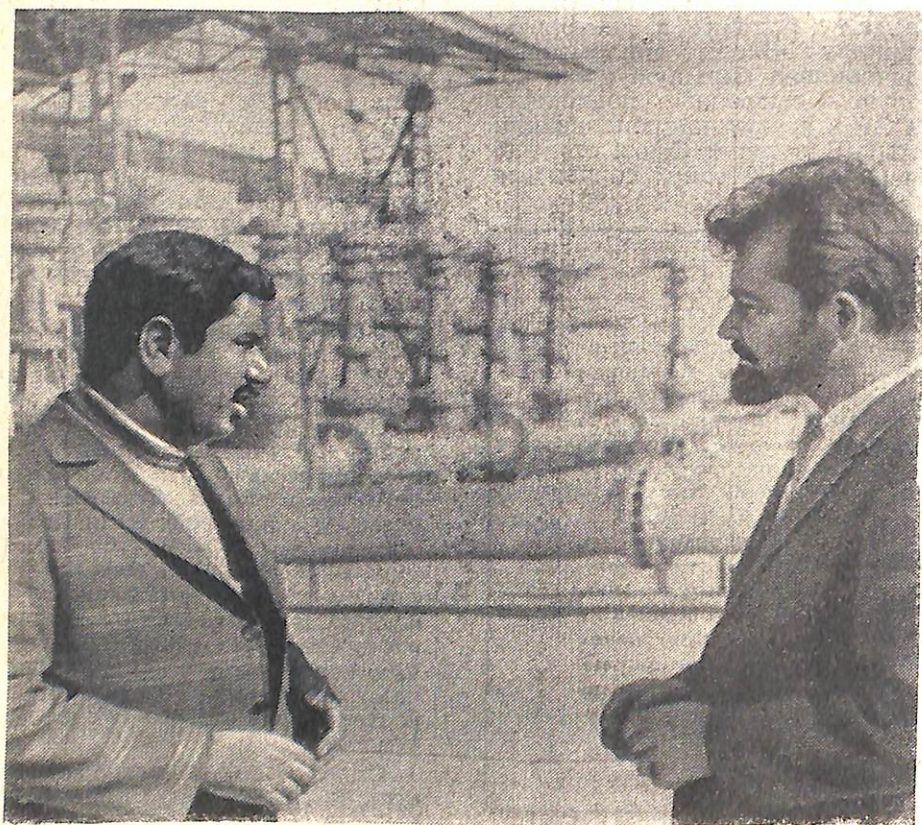
стремлению ее членов укреплять союз с другими прогрессивными силами страны, с другими отрядами единого антиимпериалистического фронта на международной арене.

Трудно найти в Ираке такой уголок, которого бы не коснулись перемены, происходящие в стране. И только стены древнего Вавилона такие же, какими были тысячи лет назад, после того, как город был разрушен. Впрочем, и здесь, в Вавилоне, жизнь не застыла неподвижно. Руки рабочих бережно очищают от слоя песка улицы за улицей, дом за домом. Через несколько лет Вавилон предстанет во всем своем величии. Ведь иракским правительством принято решение о реставрации руин. Значит, и у Вавилона, символа прошлого Месопотамии, будет новая жизнь, и тем более будет она у народа, населяющего эту страну, — народа, устремленного в будущее.

Дружеские связи между Советским Союзом и Иракской Республикой крепнут с каждым годом. СССР оказывает Ираку содействие в сооружении десятков народнохозяйственных объектов, помогает в подготовке национальных научно-технических кадров.

На снимке: Советский инженер Юрий Савостин (справа) беседует с иракским инженером Омаром Фаузи.

Фото Л. Максимова (ТАСС)

В АРАБСКИХ СТРАНАХ

◆ К концу 1975 года производство стали в Египте вырастет до 1391 тысячи тонн против 422 тысяч тонн в 1969 году.

◆ Природный газ египетского месторождения Абу-Гарадик (запасы — около 63 миллиардов кубометров) в основном будет использоваться для энергоснабжения металлургического комплекса в Хелуане, построенного с помощью специалистов из СССР.

◆ В 1970 году в Сирии насчитывалось 6156 больничных коек и 1500 врачей. В 1975 году в стране в среднем одна койка будет приходиться на 673 жителей, а в 1985 году — на 629 человек. В 1975 году каждый врач будет обслуживать 2500, а в 1995 году — 1429 пациентов.

◆ Коллоквиум, посвященный народным танцам в кино и телевидении, состоялся в Тунисе. Его участники из 14 стран обсудили вопросы съемки танцев на пленку и влияние этого явления на эволюцию танца.

◆ В течение ряда лет в Алжире в широком масштабе ведутся работы по лесонасаждению. Разрабатывается проект создания вдоль Сахары «зеленой стены», которая протянется на полторы тысячи километров от марокканской до тунисской границы.

Авторы проекта выражают надежду, что этот зеленый пояс окажет благотворное влияние на развитие сельского хозяйства на севере страны, а также смягчит климат пустыни.